

Хлеб

Со временем Фарфадэ привык к тому, что его постоянно окружает многоголосый шум. Но когда тишина ночи подходила к концу, первыми зажигались огни в коллективном общежитии, которое отлично просматривалось из его окна. Случалось, что, закончив работу над бумагами, он поднимался, чтобы немного размяться, и подолгу стоял у окна, всматриваясь в непроглядную черноту небес.

Здесь всё было иначе, чем наверху. День в Загоне казался обитателям поверхности глубокой ночью, и большую часть времени бескрайний свинцовый свод лишь нагнетал атмосферу затянувшегося ненастья. Это напоминало лорду об одной из эпох в истории человечества: дым из труб густым потоком струился ввысь, безмолвно вытесняя облака. Лишь изредка хмарь рассеивалась, и тогда сияние луны делало мир ярче, но то не была нежная лазурь ночи, укрытая мягким лунным светом, — нет, пустошь озаряла лишь мертвенная, пугающая бледность.

Власть Черной луны приносила с собой еще более гнетущее чувство: абсолютная тьма не скрывала мир полностью, оставляя место для неясных, пугающих силуэтов. Темный купол мягко накрывал замершие в борьбе растения и животных. По приказу Фарфадэ замок почти всегда сиял огнями, а для слуг был установлен строгий график дежурств. Впрочем, люди и не подозревали, что их лорд не нуждается в сне, фактически оставаясь бессменным ночным стражем.

Одинокая прогулка по залам высотой в три этажа была суровым испытанием. Лицом к лицу с каменными стенами, в пустых коридорах, где тишина эхом возвращала звук каждого шага, человек легко становился жертвой подступающего одиночества. В разуме расцветали лабиринты фантазий, рождались подозрения и безотчетный страх... Неудивительно, если кто-то, потеряв рассудок, в ужасе бросился бы прочь из этих стен.

Тем ценнее был свет, зажженный человеческой рукой. Стоило небу едва посветлеть, как люди выходили из общежития, пересекали арки и начинали новую жизнь. Замок вновь наполнялся суетой: торопливыми шагами, скрипом половиц, зевками и негромким говором. Сначала все спускались в подземелья проверить, не приготовили ли сегодня новых напитков, а затем расходились по своим местам. Во внутреннем двореке раздавался смех и плеск ведер в колодце, доносился визг пилы плотника, а на камнях расстилали свежескошенную пшеницу.

Всё это было лучшим лекарством против наступающей тьмы.

Вскоре Хельзе принесла Фарфадэ две вести. Дурная заключалась в том, что население росло, и многие уже добровольно перебрались кмельнице, но и там место стремительно заканчивалось. Добрая же весть воодушевляла: к ним наконец-то прибыли четверо умелых мастеров. Они не знали друг друга при жизни и происходили из разных краев, но их предки из поколения в поколение занимались строительством.

Стоит сказать, что едва ли не треть местных жителей в свое время так или иначе прикладывала руку к возведению домов. Они умели обращаться с сеном и деревом; именно их стараниями в свободное время были построены те нехитрые лачуги на окраинах, где находили приют новоприбывшие. Но эти строения были слишком хрупкими. Обычный человек наследовал дом от отца и жил там в тесноте с семьей-восьмью родственниками; на одной деревянной кровати старик доживал свой век, и на ней же рождалось дитя.

Тех же, кто был способен построить дом с нуля, было немного, а возвести нечто прочное и долговечное и вовсе не удавалось никому — до появления этих четырех ремесленников.

Перед тем как созрел первый урожай пшеницы, Фарфадэ издал указ. Он не собирался принуждать всех поголовно к строительству, ведь крестьянский труд в пору страды и без того изнурял. Лорд лишь утвердил порядок: в свободное время каждый желающий мог заняться валкой леса, получая взамен деревянные купоны — свидетельства, дающие право на постройку нового дома. Проще говоря, человек должен был сам заготовить древесину для своего будущего жилья.

Те же, кто занимал важные посты и привык к разделению труда — ткачихи, кухарки и прочие, — могли заработать эти купоны, выполняя дополнительную работу.

Дело это было небыстрое. Стоило указу вступить в силу, как по поместью поползли слухи. Кто-то считал, что в общежитии живется вполне сносно и переезжать нет нужды, другие же во весь голос твердили, что не могут больше терпеть скрежет зубов соседа по койке и готовы на всё, лишь бы обрести свой угол.

Фарфадэ, который лишь ненадолго показался перед подданными, чтобы объявить о новшествах, сидел теперь в своих покоях и задумчиво разглядывал осколки раздавленной керамической чашки. Он щелкнул пальцами, просматривая несколько контрактов — преданность людей росла, а вместе с ней прибавлялось и сил.

Раньше это тело начинало задыхаться после пары шагов, а во время долгого пути с Виладуаном ему приходилось постоянно делать привалы. На самом деле здоровый мужчина одолел бы путь до поля дикой пшеницы куда быстрее, но спокойствие Фарфадэ ввело в заблуждение не только рыцаря, но и Адама: тот решил, что юноша просто вышел на прогулку.

«Это похоже на обещание несбыточного», — подумал он. Но ведь если долго обещать пирог, рано или поздно его придется испечь. Построить деревню на самом деле не так уж сложно — человеческие поселения возникали сами собой на протяжении веков. Но создать упорядоченное, спланированное селение — тут требовались усилия и...

— Полагаю, найдутся и те, кто решит нажиться на этом, обменивая купоны на что-то другое? — выслушав отчет, Фарфадэ небрежно завернул осколки в платок, чтобы те не поранили руки служанки, которая придет убирать. — Говорят, уже нашлись умельцы, пытающиеся торговать ими...

Он покрутил в руках деревянную щепку — этот купон постепенно вытеснял прежние таблички для подсчета очков. Накопленные свидетельства теперь можно было обменять на что угодно, кроме предметов первой необходимости: на новую одежду, на дополнительный завтрак, на вещи, заказанные у ремесленников (вроде костяного гребня), или на безделушки у других жителей.

Золото и серебро в замке не имели цены, а поскольку Фарфадэ так и не нашел способа ввести настоящую валюту, пришлось обходиться этим. За определенные припасы требовались соответствующие купоны. Эти свидетельства он подписывал лично. Для защиты от подделок лорд использовал черную сосновую тушь, выводя на темной древесине сосны первую букву своего имени алфавитом Годи, после чего покрывал надпись вторым слоем. Он объявил, что сломанный купон считается недействительным, а на внешнюю сторону наносил тонкий слой меда.

Обычно на кухне имелся сахар для готовки, но банки со сладостями Ансеринус XI охранял пуце глаза, а лезть к медовым муравьям было затеей безумной.

— Советую никому не трогать медовых муравьев — отравитесь, — предупредил Гусь-монстр еще в самом начале. — Тем более что сладость здесь совсем не та, что на земле. Она неразрывно связана с ядом, и в большой дозе заставит вас молить о смерти... Ох, не бледнейте так, я лишь использую их для вкуса, а свойства других продуктов и специй полностью нейтрализуют токсин.

Тот аромат, куда более резкий и сильный, чем у обычного сахара, невозможно было спутать ни с чем. Если бы кто-то не удержался и решил лизнуть купон, его бы тут же пронзило странное ощущение, похожее на удар током.

Единственное, что удручало Фарфадэ в этом процессе — он едва не лишился чувств от усталости, изведя пять перьевых ручек.

Учитывая, что собственное жилье для этих людей значило нечто большее, чем просто крышу над головой, а недавняя страсть к азартным играм еще не окончательно утихла, Фарфадэ решил действовать решительно. Оставался лишь один вопрос: когда же закончится эта бесконечная работа?

— Быть может, вам стоит отдохнуть? — Хельзе привычным жестом налила ему чаю.

Это был драгоценный белый чай из ботанического сада. Лорд подумал, что он отлично подошел бы к хлебу...

Отчего же мысли вернулись к хлебу? Он уловил исходящий от Хельзе запах дрожжей. Будучи одной из трех назначенных им матрон, она была поглощена делами. Она была настолько занята, что, когда они вновь оказались в одной комнате, она уже распорядилась хозяйством с поразительной легкостью.

Впрочем, сама Хельзе не считала себя достойным управляющим. Ее движения, когда она подавала чай, всё еще казались ей грубоватыми. Изначально такую работу следовало поручить Гитне, придворной даме, но эта строгая, на первый взгляд бесчувственная женщина, холодно оглядев Хельзе, вынесла неожиданный вердикт:

— Твоя спина пряма. Для простой деревенской девчонки этого уже достаточно, чтобы быть лучше многих.

Хотя, конечно, во взгляде Гитны всё равно читалось изрядное пренебрежение.

— Ты пекла хлеб? — спросил он.

— Да... В последнее время все так увлечены заготовкой леса, что на кухне порой не хватает рук.

— Чтобы строить дома, нужно дождаться урожая пшеницы. Пусть не торопятся, — проговорил Фарфадэ и вдруг усмехнулся с лукавством в глазах. — Кстати, новые купоны на дерево обещают быть весьма любопытными.

— М?

— Скоро сама увидишь. Ты пекла его утром? Наверное, он уже готов?

Замешанное тесто уложили на лопату и отправили в глубокое, жаркое чрево печи. Саима, отвечавшая за выпечку, подбросила в соседний очаг свежей соломы. Она коснулась кончиком пальца пепельного мха, пробуя его на вкус, а затем бросила внутрь горсть огненных орхидей.

Пока хлеб пекся, она поправила сбившийся платок и принялась готовить следующую партию. Ей вспомнилось, как когда-то мать учила ее этому искусству. Мать всегда делала на тесте надрезы, и из печи выходили караваи с чудесными узорами. Отец же относил хлеб в городскую общую печь для выпечки.

Пшеница-ёж давала муку, из которой получался удивительно мягкий и вкусный хлеб, не требующий никаких добавок. Но Эйтель, также трудившаяся на кухне, спросила, нельзя ли добавить в тесто ягод или сделать начинку.

— В этом нет нужды, — Саима на миг перестала месить тесто, глядя на собеседницу с легким недоумением. Ей было трудно понять эту тихую девушку.

— Но ведь и в узорах на корке нет нужды, — возразила Эйтель. Она наклонилась к огню.

В конце концов, хлеб из муки высшего сорта и хлеб с отрубями — вещи разные. Многие

считали, что нынешнего изобилия вполне достаточно и стремиться к лучшему незачем.

Однако у Эйтель были свои мысли на этот счет. Хлеб можно было нарезать ломтями и подавать к самым причудливым блюдам, а можно было изменить саму его суть. Что, если добавить в тесто земляной нарост? Или начинить его картофельным пюре? А если влить сок кричащей сирени, то выпечка станет ярко-красной. А что, если добавить корицу?

— Я...

— У тебя талант, — серьезно проговорила Эйтель. — Тебе стоит стать настоящим пекарем.

— Может быть, когда-то я и мечтала об этом, — Саима разделила тесто ножом.

В суматохе кухни никто не обращал внимания на их негромкий разговор. Юноша по имени Пауль поприветствовал их, унося очередной поднос с готовым хлебом. Хотя полагался лишь один прием пищи в день, старики и молодежь, трудившиеся в поле, не могли ждать так долго. Когда припасов было в достатке, дети получали по чашке горячего супа, а работники — по большому ломтю свежего хлеба в полдень.

— Ты можешь стать им и сейчас, — не унималась Эйтель. — Когда построят деревню, ты откроешь там свою пекарню! Придумаешь что-нибудь новое, и люди будут в очереди стоять.

— Еще слишком рано об этом думать, — Саима запнулась и улыбнулась. Она хотела что-то ответить, но краем глаза заметила зеленую фигуру.

Стоило Фарфадэ спуститься, как Гусь-монстр вцепился в край его одеяния:

— Милорд, милорд!

Лорд почувствовал недоброе:

— В чем дело?

— Тут такое дело... — Ансеринус замялся, переминаясь с лапы на лапу. — Если у вас будет время...

«Времени у меня нет». При мысли о ворохе бумаг у Фарфадэ заныло в висках.

Впрочем, просьба Ансеринуса не была чрезмерной: он хотел, чтобы лорд отыскал существо, именуемое баранцом.

— Это растение, обликом подобное золотому ягненку. Оно растет на четырех или пяти корнях, и издалека кажется, будто пасутся овцы.

— Там, где растет баранец, не выживет ни одна другая трава. Порой волки принимают его за настоящую добычу... Ведь стоит перерезать стебель у головы, как хлынет алая кровь.

— Вот как, — Фарфадэ задумался. — Зачем тебе нужен этот растительный ягненок?

— Мне нужна его кровь. Понимаете, в последнее время зачастили дожди, растения чахнут, а кормить деревья нашими припасами я не могу — народу прибавилось, нужно экономить...

— Пстой, — лорд опасно прищурился. — Кровь баранца ускоряет рост растений? Почему ты не сказал мне раньше?

— Виноват, Ваше Высочество, совершенно вылетело из головы! Я был весь в заботах о готовке...

Ансериус XI, всеми силами стремившийся к совершенству своих рецептов, и впрямь забыл об этом. Лишь когда Гвидо пришел с расспросами, в его памяти всплыло — смутно, обрывками, — что такая вещь может служить стимулятором роста.

И винить его было сложно: кровь баранца обычно служила ингредиентом для ритуалов, и никому в здравом уме не пришло бы в голову поливать ею поля! Прежние лорды просто приказывали гнать людей в землю и пускать им кровь, кто же знал, что Фарфанозэс решит играть не по правилам.

Разумеется, Гусь-монстр, которого едоки осыпали похвалами, больше не желал мучить людей, иначе не стал бы так усердно рыться в своей памяти. Фарфадэ уже начал грешным делом думать, что в голове у этой птицы не осталось ничего, кроме поваренной книги.

— Ладно, — вздохнул Фарфадэ.

Он ни за что не признал бы, что работа в кабинете опостылела ему до крайности. Ему бы никто не поверил — даже Хельзе считала, что труд и есть его главная страсть.

— Как только закончу с делами, я найду его тебе.

Не то чтобы он так уж любил работать. Просто...

...просто что?

Аромат свежего, мягкого хлеба, только что вынутого из печи, чудесным образом утихомирил его внезапно вспыхнувшее раздражение.

<http://bllate.org/book/16116/1585278>